

Текст как пространство¹

Винфрид Нёт

УНИВЕРСИТЕТ КАССЕЛЯ, ГЕРМАНИЯ

1. Текст как пространство – семиотический парадокс

Человеческая речь и ее восприятие – акустические явления, не обладающие пространственным измерением. Речевые структуры возникают и сменяют друг друга во временной последовательности. Тем не менее в повседневном словоупотреблении продукт человеческой речи – **текст** и его структуры – характеризуется преимущественно при помощи пространственных концептов: текст содержит *места* или *пункты*, которые *в рамках изложения* могут располагаться *выше*, *ниже*, *в центре* или находиться *впереди* либо *позади*. Пространственная метафорика **метатекста** – речи о тексте – часто прозрачна, и образное значение в ней живо, как в приведенных примерах, но иногда смысл метафор затемнен и доступен лишь этимологическому анализу – например, в метафорах текста как «ткани» (лат. *textus*) и его структуры как «строения» (лат. *structura*). Метафоры этих двух типов станут предметом нашего обсуждения.

Если опираться на предложенные Лейбницем классические определения времени как «порядка следующих друг за другом вещей» и пространства как «порядка сосуществующих вещей» (письмо к des Bosses от 16.06.1712), то следует признать, что в устной речи в силу ее временного характера невозможно одновременное присутствие различных структур: мы не можем одновременно

¹ Перевод Н.С. Сироткина. Основой перевода послужила статья: Nöth W. *Der Text als Raum // Sprache, Onomatopöie, Rhetorik, Namen, Idiomatik, Grammatik: Festschrift für Karl Sornig / Hrsg. von D. W. Halwachs, C. Penzinger & I. Stütz. Graz: Inst. für Sprachwissenschaft (=Grazer Linguistische Monographien 11), 1994. S. 163-174.* При переводе учтены изменения, внесенные автором в английскую версию этой работы: Nöth W. *The (meta-)textual space // The Construal of Space in Language and Thought / M. Pütz & R. Dirven (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1996. P. 599-612.*

воспринимать произносимые слова (и написанные, как правило, тоже). С этой точки зрения семиотический парадокс «пространства текста» начинается уже с метафоры *линейного характера* (линейности) речи. Соссюр (1916: 48) говорил в связи с этим о *звуковой цепочке* (*chaîne phonétique*), которой, несмотря на ее исключительно временной характер, он приписывал первое пространственное измерение, а именно линейность (там же: 103): «Означающее, являясь по своей природе воспринимаемым на слух, разворачивается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками: а) оно обладает протяженностью и б) эта протяженность имеет одно измерение – это линия».

Легко предположить, что источник концептуализации текста как пространства лежит в изобретении письма и в метафорическом использовании пространственных характеристик исписанной плоскости для описания устной речи. Деррида (1967: 70), например, также определяет письмо как «пространствление устной речи». Выражение «линейность» кажется действительно подходящим описанием геометрии строк (англ. *line!*) в буквенном письме – если отвлечься от того факта, что уже отдельная буква является двухмерной структурой. А одномерная линейность строк на исписанной странице образует **плоскость**, простирающуюся **по горизонтали слева направо** и **по вертикали сверху вниз**. Наконец, благодаря тому, что книга состоит из переплетенных листов, текст обретает трехмерную структуру (англ. *volume*), что позволяет буквально понимать отсылки к третьему измерению – к фрагментам текста, находящимся *впереди* или *позади*.

Но тем не менее письменная форма языка отнюдь не является главным источником метафоры текста как пространства. Целый ряд аргументов говорит в пользу относительной независимости такого рода метафор. Во-первых, существуют пространственные метафоры, явно независимые от письма. Так, ничто не напоминает о письме, когда в пространстве текста мы *занимаем позиции*, *выдвигаем* или *отмечаем точку зрения*, *отводим аргументы на задний* или *выводим на первый план*, *подхватываем мысль*, *излагаем мнения* или *снимаем пункты с повестки дня*. Во-вторых, даже такие метатекстуальные отсылки, которые обычны в письменных текстах, не всегда имеют пространственный характер. Нередко они представляют собой временные метафоры (например, *как только что сказано* или *к этому мы вернемся позднее*), и даже если в письменном метатексте используются пространственные концепты, то, понимаемые в буквальном смысле, они часто не соответствуют действительности. Так, в письменном тексте то, что *упомянуто выше*, на предшествующей странице вполне может находиться внизу, а то, что *рассматривается ниже*, – стоять вверху следующей страницы. Наконец, против представления о том, что пространственная метафорика обусловлена письмом, свидетельствует и тот факт, что для описания временных характеристик сам язык часто использует пространственные метафоры (ср. Wunderlich 1985). Так, выражения *длинный* или *короткий текст* могут, на основании общеязыковой метафоры, подразумевать время, необходимое для произнесения текста, или – в буквальном смысле – описывать пространство исписанной плоскости.

2. Геометрия и топика текстуального пространства

Попытаемся систематизировать выражения, которые используются для описания текста как пространства. Мы встретим их в живых и стертых метафорах, которые в буквальном смысле а) описывают пространственные структуры на языке геометрии (например, *пункт*, *точка* (зрения), *линия*), б) указывают на объекты, связанные с пространственными характеристиками (например, *ход* (мыслей), смысловое (семантическое) *поле*) или в) предполагают наличие пространственных структур (в дальнейшем, *продолжить* (рассуждение)). Кроме того, такие метафоры встречаются г) в дейктических словах.

Число измерений в геометрии этих метатекстуальных пространственных концептов может быть равно 0 (точки), 1 (линии), 2 (плоскости, поверхности) и 3 (объекты, объемы).

2.1. Точки

Точки в метатекстуальном пространстве обозначаются при помощи геометрических (или географических) метафор *точки*, *пункта*, *места*, а также при помощи дейктического слова *здесь*. Собственно, в случае дейктических отсылок метатекстуальные точки остаются точками (имеют 0 измерений) только тогда, когда такие метафоры используются в автодейктическом (ср. Harweg 1990) или автореференциальном смысле – например, *здесь*, *в этом пункте* или *в этом месте*. В гетеродейктических выражениях (ср. *ibid.*), таких, как, например, *в другом месте*, уже подразумевается одномерное пространство – геометрия вектора, соединяющего в пределах текста две точки: одну, занимаемую говорящим / пишущим в момент речи, с другой, к которой отсылает метафора. В недейктическом смысле точки в метафорическом пространстве текста представляют собой чаще всего нечто неподвижное, закрепленное или визуально фиксированное – например, *позиция*, *точка зрения*, *установка*, *положение*, *утверждение* или *тезис* («закрепленное»). *Пункты* можно *выдвигать* или *снимать* (с повестки дня). *Место* может быть *большим*, *слабым* или *уязвимым*, *тезис* или *утверждение* – *шатким*. Но в любом случае *пункт* отсылает к чему-то важному, существенному или даже *критическому* в дискурсе – с точки зрения отдельного говорящего, для которого собственная *позиция*, естественно, имеет значение, или в нейтральном смысле – в таких выражениях, как *узловой пункт* (рассуждения).

Рассмотренные метафоры *точки* (*пункта*) в метатекстуальном пространстве характеризуют концепты, развиваемые в пределах одного текста. Но такие метафоры могут отсылать и к *позициям*, которые общающиеся *занимают* в пространстве диалога. Собеседники *отстаивают* или *уступают* свои *позиции*, *исходят* из каких-либо соображений или идей, *приходят* к согласию или к общей идее, *идут* (*делают шаги*) навстречу друг другу. В дальнейшем метатекстуальное пространство, образуемое преимущественно концептами (мыслями, идеями, аргументами), мы будем называть **концептуальным пространством**. Метатекстуальное пространство, которое задается позициями говоря-

шего и слушающего, обозначим как **диалогическое** (или **монологическое**) **пространство**.

2.2. Линии

Если пункты или точки (зрения) динамически связаны, они образуют *конечные точки* метафорических линий, формирующих одномерное пространство текста. Наряду с геометрической метафорой *линии*, которую можно *отстаивать*, *проводить*, *продолжить* или *прервать*, которая может быть основной или направляющей, одномерные структуры метатекстуального пространства встречаются нас в представлениях о (красной, протянутой / протягиваемой, непрерывной / не прерывающейся) *нити*, о *цепочке* рассуждения или фонетической *цепи*, о *движении*, *потоке* мыслей или идей. Любой вид гетеродейкса (например, *там, выше, в дальнейшем*; см. 2.1) протягивает метафорическую линию между исходной точкой и некоторой другой точкой дискурса: метатекстуальная линия связывает *исходный (отправной)* и *конечный пункт* (между которыми может находиться *середина* или *центр*), направлена к фиксированному *финалу* или не имеет определенного конца (например, в таких выражениях, как *выше / ниже*). *Линии* имеют богатый метафорический потенциал не только в концептуальном, но и в диалогическом пространстве. Примеры можно найти в исследовании (Reddy 1979) о метафорах коммуникации как потока или в (Brünner 1987).

2.3. Поверхности

Двухмерное пространство текста появляется там, где *расходятся* концептуальные *пути*, где обнаруживается *средний путь* и *устанавливаются параллели*. Хотя геометрическое представление о *плоскости* или *поверхности* редко используется для обозначения возникающего таким образом метафорического пространства, текст может расширяться в геометрических категориях – в *длину* и в *ширину* – и имеет две стороны (*с одной стороны / с другой стороны*). Источником таких обозначений, как *центр* и *периферия* (концептуального пространства), – геометрия круга.

Более специфические метафоры двухмерного текстуального пространства заимствованы из языка географа и геодезиста: *определять* понятия, *ограничивать* тему, *размечать* (неизвестные области), *протягивать (устанавливать)* или *переступить границы* (например, каких-либо научных областей); давно известные утверждения называют *общими местами*.

Концептуальное пространство текста описывается в категориях двухмерного пространства рисунка и письма, когда *в рамках* рассуждения мы *очерчиваем* круг вопросов или *обрисовываем* ход рассуждения, *делаем набросок* теории, *иллюстрируем* свои мысли или высказываем соображения в качестве *примечания* или *сноски*. В английском и немецком языках *сноска* (англ. *footnote*, нем. *Fußnote*) – двойная метафора: уже в отношении к написанному тексту это выражение метафорично, поскольку отсылает к человеческому телу.

2.4. Тела в пространстве текста

Наиболее неопределенная метафора метатекстуального пространства – *материал*. Этимологически это слово отсылает к субстанции, не имеющей формы (лат. *materia*), но *материал* можно *обрабатывать* или *перерабатывать*, в нем можно *ориентироваться*, его можно даже *схватывать*. Физические объекты, не имеющие четко определенной формы в метатекстуальном пространстве, – *предметы*, *объекты* или их *фрагменты*. *Предмет* задан в дискурсе заранее (*предмет обсуждения*) либо обнаруживается в ходе разговора (*натолкнуться на что-либо*, *навести* на какой-либо предмет). Наличие объектов предполагают такие метафоры, как *представлять* (например, в каком-либо свете), *устанавливать*, *определять*, *группировать*, *выделять*, *добавлять* (например, в качестве примечания).

Оформленные тела в метатекстуальном пространстве – твердые, полые, внутренне или внешне структурированные. Твердое текстуальное тело подразумевается, например, когда говорят, что чьи-либо возражения разбивались о железную аргументацию докладчика. О полых (ср. *пустой разговор* и *книга полна идей*) и открытых текстуальных телах см. в исследовании (Reddy 1979) о дискурсивных метафорах *сосуда* (ср. *герметичный текст*).

При описании структуры текстуальных объектов преобладает метафора *здания* (*здание мысли*). Здания или строения подразумеваются, когда говорят о тексте как об *открытом*, *закрытом*, *неприступном*, о *подходах*, *выходах* и открываемых *перспективах*. Постепенно, *шаг за шагом*, мы поднимаемся на все более *высокие ступени* или *уровни* концептуального здания. Можно *очертить контуры*, нарисовать *план* или сделать *набросок*, отображающий *строение* или *структуру* текста.

Архитектонические метафоры строения, структуры или структурированности текста опираются на область видимого и коннотируют *ясность* и *прозрачность*. Метафоры, связанные с областью непрозрачного, указывают на глубокие или *глубинные* смыслы, которые приходится *выявлять*, *прояснять*, которых нужно *доискиваться*; ср. *докапываться до сути дела*. Путь к идеям или мыслям, доступ к которым с различных сторон затруднен, представляется еще более трудным. Такие идеи *предполагаются*, *подразумеваются* или *имплицитуются*; это *путаные* (*запутанные*), *сбивчивые*, *смешанные*, *беспорядочные* или просто *сумасшедшие* мысли. Эти значения находят крайнее выражение в метафоре *лабиринта идей*.

Более простое представление о пространственной структуре текстов дает метафорика членения текста на разделы или главы. Метафора *членения* отсылает к строению живых организмов. Искусственно созданная целостность текста, его *материал* может быть *разложен на части* или даже *разрезан на куски* (либо текст сам *распадается на части*). О телах, создающих *препятствия* в текстуальном пространстве, см. 3.3.

2.5. Топологические и оптические свойства: непрерывность, когерентность, видимость

В идеальном пространстве текста, позволяющем свободно *излагать* и *развивать* мысли и никак этому не препятствующем (см. 3.3), линии и поверхности характеризуются непрерывностью, завершенностью, целостностью, метафорические тела взаимно связаны (конгруэнтны), а их структуры стабильны. В этом контексте негативно воспринимаются *скачки мысли* (как нарушение поступательного линейного движения или как повреждение текстуального тела), *пятна* (например, белые) на поверхности, *пробелы*, *провалы*, *слабые места* (где говорящий рискует *провалиться*), *отрывки* или *фрагменты* (ср. *отрывочность / фрагментарность* изложения).

Идеальное пространство текста должно обеспечивать и возможность свободной визуальной *ориентации*. Концептуальные построения должны быть *отчетливыми* или *четкими*, *ясными* (недостаточно ясные следует *прояснить*), хорошо *обозримыми* или *прозрачными*, а примеры – *яркими*. В оптимальном случае пространство текста открывает новые *перспективы* или *ракурсы*, позволяет занимать различные *точки зрения* или *видеть* объекты с различных *углов зрения* и *с разных сторон*. *Неясное* делается *ясным*; концептуальные объекты *отражаются* друг в друге; мы *бросаем свет* на *темные места* или *рассматриваем* их *в новом свете*, *освещаем* проблемы и *проводим* их решения *перед мысленным взором* собеседника.

3. Трехмерное текстуальное пространство

Три измерения текстуального пространства совпадают с тремя важнейшими осями пространственной ориентации человека (которые находят выражение и в языке): **горизонтальной** или, пожалуй, точнее – **латеральной** (право / лево), **вертикальной** (верх / низ) и **сагиттальной** (вперед / сзади). Каждое из этих измерений используется при описании текстуального пространства, но отличается от других по частоте использования и смысловым связям. Следовательно, текстуальное пространство анизотропно.

3.1. Вертикальная ось

Хотя мы пишем слева направо, основным источником метафор, описывающих письменные тексты, является, по-видимому, вертикальная ось. Текст содержит места *выше* и *ниже* какого-либо пункта, а также *главы*, *заголовки*, *заглавия*, *надписи* и *подписи*. Ориентация по вертикали доминирует и в метафорах, не связанных с письмом. В метафорическом пространстве текста важное находится *вверху* – в *заглавии* или *заголовке*, а набранная петитом *сноска* (англ. *footnote*, нем. *Fußnote*) размещается в *низу* страницы. С антропоморфными метафорами головы связано и представление о *главной* или *главенствующей* идее. Если мы *опускаем* какие-либо пассажи (например, при пересказе) или *перескакиваем* через какие-либо фрагменты текста, то, очевидно, *оставляем* их «ниже» нас (так как не считаем их важными). Темы могут быть *поставлены* на повестку дня или *сняты* с нее. Мы *ставим* или *поднимаем* вопро-

сы (и тогда вопросы некоторое время продолжают *стоять*). Самое лучшее, самое важное – *вершина*, ее противоположность – *провал*. Идеи (или их авторов) можно *возносить* или *расхваливать до небес*. Все эти оценки, связанные с вертикалью, принадлежат области видимого. Если говорить о невидимой вертикали, лежащей под поверхностью, то в ней оценочная иерархия разворачивается в обратном направлении. *Глубинная структура* текста важнее, чем *поверхностная*, *глубокие* мысли более значимы, чем *поверхностные* или *мелкие*. В *основании* текста *лежит* важный аргумент. Мы проводим *основательное* исследование или *доискиваемся до* сути дела, *вскрываем причины* или *корни* какого-либо явления. О значительных тезисах или идеях говорят, что они *укоренены* (например, в какой-либо идеологии или теории).

3.2. Сагиттальная ось

Наиболее типичный пример сагиттального измерения в концептуальном пространстве – оппозиция между *передним планом*, где высказываются важные идеи или *приводятся* убедительные соображения, и *задним планом*, куда *отводятся* менее значимые аргументы. Важное *выводится*, *выдвигается* или *выходит* на первый план, менее важное (*задняя мысль*) *остаётся* в тени.

В метафорическом описании письменных текстов сагиттальная ось играет незначительную роль. Только в длинных текстах говорят «*впереди*» или «*позади*». Отсылки к этим точкам имеют дейктический характер (см. 1) и связаны с перспективой читающего книгу, изменяющейся в процессе чтения: *впереди* находятся те места в тексте, которые ближе к глазам читателя, *позади* – те, что находятся дальше. И напротив: когда говорят о *лицевой* и *оборотной* стороне страницы (или ткани) – ср. также метафору *обратная сторона* (какого-либо обстоятельства), – сагиттальная перспектива определяется позицией рассматриваемого объекта. Подобно человеку, страница смотрит на читателя своей *лицевой* стороной и имеет невидимый *тыл*.

3.3. Латеральная ось

Латеральная ось в метатекстуальном пространстве выражена наиболее слабо; она используется главным образом при метафорическом описании письменного текста. Правая / левая стороны противопоставляются друг другу или центру текстуального пространства.

Если стороны противопоставляются одна другой в диалогическом пространстве, то говорят, что собеседники *принимают* или *занимают* чью-либо *сторону*; в концептуальном пространстве следует *рассматривать* (*принимать во внимание, учитывать*) *обе стороны* или *рассматривать* дело *с обеих сторон*. Хотя в этих выражениях заложена оппозиция «право / лево», тем не менее, когда речь идет о двух сторонах, обычно не говорят о правой и левой стороне, но различают их при помощи индексальных выражений, например, *с одной стороны / с другой стороны*.

Стороны противопоставляются центру, когда, например, соображения или замечания называют *побочными*, когда *отмечают* чьи-либо возражения или *оставляют* их *в стороне*; ср. также метафорическое выражение *реплика в*

сторону. В этих случаях оппозиция двух сторон семантически нейтрализована: обе одинаково удалены от центра.

Если ориентироваться на пространство письма, метафора *маргиналий* (ср. русское *заметки на полях*), кажется, вполне вписывается в схему латеральной оси; но если быть точным, исписанная страница имеет поля не только справа и слева, но также сверху и снизу. В строгом смысле на латеральную ось ориентируются выражения из делового языка – *подписавшийся с левой стороны / подписавшийся с правой стороны*.

4. Динамика метатекстуального пространства

Метафоры геометрических фигур, структур, стратификации создают впечатление о пространстве текста как о чем-то статическом. Однако метатекстуальное пространство не остается статическим: оно вырабатывает различные динамические концепты для метафорического описания изменений, происходящих в нем.

4.1. Движение и гибкость

Основной источник метатекстуальной динамики – изменение положения и формы объектов (концептов). Движение концептов может быть вызвано либо действиями говорящего, либо их собственной активностью. Автор может *выставлять* чью-либо точку зрения *в (не)выгодном свете*, *выдвигать* собственные теории, *откладывать* какие-либо задачи. Идеи могут самостоятельно *носиться в воздухе*, *появляться*, *уходить на второй план* или *исчезать*. Изменения затрагивают не только положение концептуальных объектов, но и их форму: понятия называют *гибкими* (и *растяжимыми*), потому что их значение или объем может *расти*, *увеличиваться*, *сокращаться* (например, в наших глазах), *уменьшаться* или вообще *исчезать*. Тексты или концепты можно *удлиннять*, *расширять*, *растягивать*, *углублять*, *раздувать*, *разбавлять* чем-либо, делать более *пространными* или же *сокращать*, *уменьшать*, *сжимать*, *сводить* (например, к нескольким предложениям / идеям) и делать более *поверхностными*. Концептуальные объекты в состоянии и самостоятельно изменять свое положение или форму: они *уводят* нас или сами *удаляются*, *отходят* от темы, *всплывают*, *выходят на первый план*, *смещаются* (например, в смежную научную область), *отстают* от своего времени или *опережают* его; мысли могут *рассредоточиться* или *улетучиться* (особенно *беглые мысли*).

4.2. Движение в монологическом и в диалогическом пространстве

В диалогическом и формирующемся на его основе монологическом пространстве позиции собеседников изменяют свое положение либо независимо, либо относительно друг друга, либо относительно других концептов, находящихся в этом же текстуальном пространстве.

В диалогическом пространстве можно двигаться по *путям*, *дорогам*, *тропам* или *тропинкам*, по чьим-либо *следам*, иногда – по воздуху (*полет фантазии*; *окрыленный идеей*, *на крыльях мечты* через *высоты духа*), а иногда

и по воде: ленивый студент *плавает* в своих ответах (и в результате *проваливается* на экзамене). По этим путям можно *продвигаться неторопливо* (*неторопливый ход / течение мыслей*), *шаг за шагом, замедлять (ускорять) ход мыслей* или делать *поспешные* умозаключения, можно *делать отступления* или *экскурсы, останавливаться* (например, перед проблемой), *стоять* или *топтаться на месте, приходить* к выводам, *обращаться* к источникам или идеям, *достигать цели, покидать привычный ход мыслей, возвращаться* к тому, что было сказано ранее. Человек, перемещающийся в пространстве текста, *приводит* соображения или аргументы, иногда *впадает* в высокопарность; это путешественник, который *подходит* к теме или *приходит* к выводам, преследователь, *преследующий* идею или цель, или *последователь*, готовый *следовать* за кем-либо. Движение в текстуальном пространстве может быть и вынужденным – если приходится от чего-то *уклоняться* или если встречаются препятствия, которые нужно *обойти* (в этом случае приносит пользу *обходной маневр*; ср. *совершать* что-либо в обход какой-либо инстанции).

4.3. Препятствия и границы

Концепты и *позиции, препятствующие* движению говорящего в пространстве текста, могут иметь форму линий, поверхностей или объектов. Реальные препятствия (например, чьи-либо *тезисы*) *встают* перед говорящим (говорящий *сталкивается* с ними или *натывается* на них), мешают его *неудержимому* движению (ср. *неостановимый* поток слов) и не позволяют слушателю *проникнуть* или *вникнуть* в суть дела; препятствия могут быть и всего лишь оптическими явлениями: в таком случае они затрудняют визуальную ориентацию. Характерные оптические помехи возникают в тех случаях, когда какой-либо концепт *неясен* или *темен* и мешает *увидеть существо вопроса*.

Препятствия, связанные с линейным измерением, – это разграничительные линии между двумя сферами, по сагиттальной оси – линии между говорящим и слушающим. *Пределы, ограничения, границы, рубежи* препятствуют доступу из одной концептуальной сферы в другую, но они могут быть *преодолены* или *обойдены*. Впрочем, поскольку (концептуальное) пространство не безгранично, пределы и ограничения в нем могут иметь и естественный характер и потому не всегда являются препятствиями. Коннотации конечных точек концептуальных линий двойственны: это может быть *цель*, к которой мы *стремимся* и которой *достигаем*, или *конец, тупик* (ср. *тупиковый путь*), вынуждающие нас остановиться. Мы устанавливаем *пределы* или *границы* (между поверхностями / плоскостями). *Дистанция* или *расстояние* между общающимися обычно препятствует взаимопониманию, и мы стремимся *сократить* это расстояние, но иногда, наоборот, *дистанцируемся от* чьих-либо позиций. Существуют границы, которые мы не обязательно должны переходить – *горизонты, границы* или *пределы*. Горизонты могут быть *широкими*, и задача *расширить горизонты* стоит перед нами далеко не всегда. Но *ограниченный кругозор* и *узость мысли* (латеральная ограниченность) – препятствия в ментальном пространстве.

Препятствия-объекты – *стены (стена непонимания), закрытые (запечатанные – тайна за семью печатями) двери*. Препятствия такого рода можно

преодолеть, разбить, взломать или *уничтожить*, а пути – *расчистить*. Легкое препятствие можно *обойти, перескочить, перепрыгнуть* либо – по латеральной оси – *устранить* или *отмести*. Объекты – например закрытые двери – *закрывают путь* или *доступ* (например, к чьим-либо идеям). Более значительные естественные препятствия – *пропасти, подводные камни, пучины, трясины* или *бури*, которые мы вызываем (например, *буря возмущения*). Большой потенциал метафоры текстуальных препятствий содержит военная лексика. Мы говорим об *укрепленных* и *занятых кем-либо позициях*, о *защищенных тылах*; хорошо спланированная *атака (атака по всем линиям)* вынуждает противника *отступить* или даже *признать поражение, капитулировать* перед чьими-либо контраргументами (см. также Lakoff and Johnson 1980: 4).

Путешествующий по полному препятствий концептуальному пространству должен уметь *маневрировать, уклоняться* от опасностей, чтобы *пронести* свои *идеи* в целостности и сохранности и *донести* их до слушателя / читателя.

Единственное отступление от идеала свободы передвижения в концептуальном пространстве – метафора *захватывающей* или *пленительной* мысли. Связь эроса и танатоса, которая находит выражение в этой метафоре, имеет параллели в словаре эмоций, где «страсть» означает одновременно и «страдание», и «восторг, преклонение».

5. Аналогия и оппозиция в текстуальном пространстве

Идентичность или подобие концептуальных сфер находит в метатекстуальном пространстве иконическое отображение. Речь идет о двух типах топографических связей: гомологичность и смежность. Примеры отношений подобия, описываемых в терминах геометрической гомологичности, – метафоры *параллельных* или *конгруэнтных* идей, *концентрических кругов* или такие метафорические выражения, как *вписать* (например, в контекст какой-либо проблематики), *совпадать* (идеи А и Б совпадают). Концепты могут *сближаться* или *приближаться* друг к другу, *соприкасаться*, быть *смежными* или *взаимно связанными* – в этом случае мы опираемся на представления о геометрической смежности.

Семантические различия или оппозиции описываются при помощи различных вариантов пространственных моделей (ср. Nöth 1994b). Одна из них – модель разделяющих границ или препятствий (см. 4.3), которые могут быть *не(пре)одолимыми*. Другой вариант – модель разделяющего расстояния (см. 4.3): мы говорим о концептах как о *(бесконечно) далеких друг от друга* или *диаметрально друг другу противоположных*. Семантика антонимов может быть описана на основе этой модели благодаря тому, что антонимы характеризуются максимальной удаленностью друг от друга на шкале лексически связанных понятий, например, от *горячего* к *холодному* или от *маленького* к *большому*. Отметим, что само понятие *дифференциации* включает в себе этимологическую метафору пространственной разделенности (лат. «нести отдельно»).

Третья модель – модель собственно оппозиции, оппозиции в том смысле, который этимологически заложен в этом слове: «установленное друг против друга». Это модель *конфронтации* (лат. «сводить лицом к лицу», букв. «против» + «лоб»; ср. *афронт*) и *конфликта* (лат. «столкновение»): противники

сталкиваются лицом к лицу («лоб в лоб»). Впрочем, такое пространственное соотношение общающихся характеризует любой коммуникативный акт, в том числе протекающий в мире и согласии. Модель конфронтации основана на архетипе *противника*, враждебного оппонента (ср. *противиться, оказывать сопротивление, противодействовать*).

Эта модель не ограничивается представлением о людях, сталкивающихся друг с другом в пространстве, – она применима и к концептуальным объектам. В этом смысле используются, например, предлог *против*, вводное слово *напротив*, латинские префиксы *контра-* и *анти-*.

Характерный пример четвертой пространственной модели – метафора *противоположности* (нем. *Gegenteil*). Она указывает на смысловую связанность противопоставленных концептов – как разъединенных элементов, которые входили в состав целого и могут быть воссоединены в его рамках. Семантические оппозиции такого типа называют комплементарными (этимология этого слова также связана с пространственными категориями: от лат. *completus* «наполненный»). Примерами таких оппозиций могут служить метафорические выражения *с одной стороны / с другой стороны*.

Пятая метафорическая модель оппозиции – метафора *обратного*. Характерные метафоры этого типа (встречающиеся главным образом в разговорной речи) – *наоборот, поставить / перевернуть с ног на голову / вверх ногами и вывернуть наизнанку* (например, значение чьих-либо слов).

Эти пять языковых моделей, позволяющих описывать различия или оппозиции в пространственных категориях, по-видимому, подтверждают гипотезу о когнитивной обусловленности лингвистических оппозиций, которую Lyons (1977: 282) сформулировал так: «Возможно, наше понимание оппозиций – не только пространственных, но оппозиций в целом – основано на своего рода переносе по сходству: сначала мы усваиваем различия, связанные с нашей пространственной ориентацией, с нашим положением или передвижением в пространстве, а затем переносим эти различия на прочие объекты внешнего мира». В этом контексте интересно отметить, что происхождение лингвистических терминов, обозначающих языковые оппозиции, также связано с пространственными метафорами (см. об этом: Nöth 1994).

6. Когнитивная обусловленность метафор текста как пространства

В когнитивной семантике отмечено, что пространственная метафорика широко используется в разговорной речи. Это связано с особой биологической значимостью долингвистического визуального восприятия мира, долингвистической ориентации в нашем пространственном окружении (см., например, Lakoff 1987: 269-292; Nöth 1994a). Даже лингвистический метаязык настолько изобилует пространственными метафорами, что, говоря о связи языка с пространственными категориями, мы постоянно рискуем впасть в тавтологии: значение абстрактных концептов, выраженных в форме пространственных метафор, нередко можно определить только при помощи новых металингвистических пространственных метафор. Например, Lakoff (1987: 283) пишет (металингвистические метафоры выделены курсивом): «*Radial structure in categories is understood in terms of CENTER-PERIPHERY schemas. Foreground-background*

structure is understood in terms of FRONT-BACK schemas. *Linear quantity scales* are understood in terms of UP-DOWN schemas and LINEAR ORDER schemas».

В ходе нашего исследования метафоры текста как пространства мы столкнулись с различными аспектами когнитивной обусловленности метафор. К принципам пространственного познания, проявляющимся в метатекстуальной метафорике, относятся закономерности визуального восприятия в статической среде и закономерности физической ориентации в динамическом пространстве. Как и в процессе фокализации при визуальном восприятии, в *центре внимания* того, кто воспринимает текст, находятся *точки (пункты)*. Внимание привлекается в первую очередь к тому, что находится *на первом плане, перед глазами* (в разговорной речи – *под носом*), в *центре*, что является *внутренним*. То, что размещается *на заднем плане, внешнее* в тексте не рассматривается и не вызывает интереса. Условия или предпосылки визуального восприятия – такие, как яркость или острота зрения, – также служат источником метатекстуальной метафорики.

Доминирующая метафорическая модель, описывающая процессы в текстуальном пространстве, отражает когнитивные предпосылки: беспрепятственное передвижение в пространстве и свободный обзор. Система координат при текстуальной ориентации имеет когнитивно-антропоцентрический характер и не подчиняется законам евклидовой геометрии. Как и язык пространственной ориентации вообще (см. Clark and Clark 1978: 243), метафоры, описывающие ориентацию в тексте, анизотропны. Обнаруженные нами различия в частотности и семантической валентности трех измерений метатекстуального пространства отражают особенности нашего (когнитивного) представления о пространстве. То обстоятельство, что латеральная ось слабо выражена в метатекстуальном пространстве, связано с равнозначностью правой и левой стороны при ориентации в пространстве, что объясняется латеральной симметричностью наших органов слуха и зрения. Главенствующее значение вертикальной оси обусловлено ее биологической значимостью для прямохождения. В ценностном аспекте вертикальная ось негомогенна, поскольку схема «MORE IS UP, LESS IS DOWN» (Lakoff 1987: 276) верна лишь в отношении текстуальных метафор, описывающих то, что находится над землей (над водной поверхностью): когда метафоры отсылают к находящемуся под землей (под водой), они функционируют прямо противоположным образом (см. 3.1). Это еще раз подчеркивает когнитивную обусловленность метафорической аксиологии по вертикальной оси. В отличие от евклидовой геометрии, где вертикальная ось гомогенна и не имеет ни начала, ни конца, метафорическая вертикальная ось отражает эгоцентрическую перспективу, исходный пункт которой – положение человека: вертикальные лучи (в геометрическом смысле) протягиваются из этой точки в противоположных направлениях с противоположной аксиологической динамикой.

Сагиттальная ось также неравномерна в различных направлениях. *Впереди* находится более важное: *перед нами* стоит цель. Менее важное отходит или отводится на *задний план*. Метафорика препятствий соответствует когнитивной модели свободной (*беспрепятственной*) визуальной и кинетической ориентации. Наконец, в пространственных метафорах *противоположного* также находят выражение особенности познающего «я».

Впрочем, истоки метафоры текста как пространства лежат не только в **природных** началах, в биологии и психологии познания. Пространственные модели текстуальных метафор заимствуются и из сферы **культуры** (ср. Nöth 1993): это пространственная организация артефактов – строений, транспортных средств – или знаковых систем, например живописи и письма.

Литература

Brünner, Gisela 1987, Metaphern für Sprache und Kommunikation im Alltag und Wissenschaft, *Diskussion Deutsch* 18: 100-119.

Clark, Eve V., and Herbert H. Clark 1978, Universals, relativity, and language processing, in: Joseph H. Greenberg (ed.), *Universals of human language*, vol. 1. Stanford: University Press, pp. 225-277.

Derrida, Jacques (1967) 1976, *Of Grammatology*. Baltimore: Johns Hopkins Univ. Press. Рус.: Деррида Ж. *О грамматологии*. М.: Ad marginem, 2000.

Harweg, Roland 1990, *Studien zur Deixis*. Bochum: Brockmeyer.

Lakoff, George, and Mark Johnson 1980, *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. Press. Рус.: Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем, в кн.: *Теория метафоры*. М., 1990, с. 387-415, а также в кн.: *Язык и моделирование социального взаимодействия*. М., Прогресс, 1987, с. 126-170.

Lakoff, George 1987, *Women, fire, and dangerous things*. Chicago: University Press.

Lyons, John 1977, *Semantics*, 2 vols. Cambridge: University Press.

Nöth, Winfried 1993, Iconicity of symmetries and asymmetries in syntactic coordination, in: Christoph Küper (ed.), *Von der Sprache zur Literatur: Motiviertheit im sprachlichen und im poetischen Kode*. Tübingen: Stauffenburg, pp. 23-36.

Nöth, Winfried 1994a, Opposition at the roots of semiosis, in: W. Nöth (ed.), *Origins of Semiosis*. Berlin: Mouton de Gruyter, pp. 37-60.

Nöth, Winfried 1994b, The semantic space of opposites: Cognitive and localist foundations, in: Kei I. Yamanaka (ed.), *A Festschrift for Yoshihiko Ikegami*. Tokyo.

Reddy, Michael J. 1979, The conduit metaphor: A case of frame conflict in our language about language, in: Andrew Ortony (ed.), *Metaphor and thought*. Cambridge: University Press, pp. 284-324.

Saussure, Ferdinand de (1916) 1959, *Course in general linguistics*. New York: McGraw-Hill. Рус.: Соссюр Фердинанд де. Курс общей лингвистики, в кн.: Соссюр Ф. де. *Труды по общему языкознанию* / Пер. с фр. под ред. А. А. Холодовича. М.: Прогресс, 1977. С. 31-269.

Wunderlich, Dieter 1985, "Raum, Zeit und das Lexikon", in: Harro Schweizer (ed.), *Sprache und Raum*. Stuttgart: Metzler, pp. 65-89.